
Евгений Кауганов

ВЫСТАВКА «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЕРМАХТА» 1995–1999 ГГ. И ЕЕ ВКЛАД В НЕМЕЦКУЮ КУЛЬТУРУ ПАМЯТИ О НАЦИСТСКОМ ПРОШЛОМ

Предметом статьи является общественная дискуссия об одной из наиболее резонансных исторических экспозиций за всю историю послевоенной Германии – «Война на уничтожение. Преступления Вермахта 1941–1944». Автор освещает исторические предпосылки и историографический контекст выставки, рассматривает исторический миф о «чистом», или «незапятнанном» Вермахте, де-факто являвшийся консенсусом в ФРГ на протяжении нескольких десятилетий. Описывается концепция выставки, реконструируется хронология дебатов, рассматриваются позиции ее основных участников. Освещается рецепция выставки в немецких СМИ, ее оценка представителями политической и академической элиты ФРГ. Анализируются реакции и мнения широких общественных слоев Германии в отношении выставки, в первую очередь, ветеранов Второй мировой войны и представителей поколения детей и внуков солдат Вермахта. В заключение автор оценивает влияние выставки и связанных с ней дебатов на немецкую культуру памяти о нацистском прошлом Германии. Учитывая масштабный общественный резонанс и общенациональный охват, выставка «Преступления Вермахта» может быть названа одним из самых успешных европейских проектов историко-политического просвещения и «преодоления» тоталитарного прошлого.

Ключевые слова: Вермахт, Вторая мировая война, план Барбаросса, нацизм, тоталитаризм, ФРГ, культура памяти, работа с прошлым

Евгений Леонидович Кауганов – аспирант Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия. Электронная почта: ekauganov@front.ru

1990-е гг. характеризовались в объединенной Германии существенным усилением дискурса о нацистском прошлом. В связи с этим историк Вольфганг Бергем использует метафору «одержимости прошлым» (Bergem 2005: 79). Аналогичную оценку дает политолог Хельмут Кёниг: по его словам, «столько полемики о нацистском прошлом, как в этот период, не было никогда прежде» (Кёниг 2012: 124). По мнению историка Михаэля Яйсмана, в 1990-е гг. Германия не только не отвернулась от своего прошлого, но, наоборот, политически функционализировала «культуру принятия вины» (Jeismann 2001: 194).

В многообразии дебатов объединенной Германии 1990-х гг. особое место занимает полемика по поводу передвижной выставки «Война на уничтожение. Преступления Вермахта 1941–1944 гг.», организованной Гамбургским институтом социальных исследований. В статье при помощи дискурс-анализа рассматривается эта дискуссия, проводится ее хронологическая и содержательная реконструкция. Делаются выводы о значении дискуссии о выставке «Преступления Вермахта» для проработки тоталитарного прошлого Германии и трансформации коллективной памяти немецкого общества с конца 1990-х гг. Особый акцент при этом ставится на влиянии дискурса академических и политических элит и значимости их решений для политики памяти.

Миф о «чистом Вермахте» в ранней ФРГ

Несмотря на катастрофическую цензуру 1945 г., крушение иллюзий о «тысячелетнем Рейхе» и политическое отрезвление большей части немцев, образ гитлеровского Вермахта после завершения войны сохранил «незапятнанность». В большей части исторической, мемуарной и художественной литературы, а также в рассчитанных на массового зрителя кинофильмах 1950–1960-х гг. Вермахт позиционировался не как инструмент агрессивных планов Гитлера, а как «нормальная» – в противоположность СС – армия, не имевшая никакого отношения к политике нацистской партии и отличавшаяся высоким профессионализмом и «порядочностью». Ветераны армии Третьего рейха получили в 1950-е гг. своеобразное «оправдание» в контексте холодной войны, стимулировавшей создание бундесвера, в который были приняты более десяти тысяч офицеров и 44 генерала Вермахта (Messerschmidt 2006: 373). Культурно-политический образ «чистого Вермахта» упорно насаждался многочисленными объединениями ветеранов, настойчиво выступавших в послевоенные годы против «диффамаций» (Wrochem 2006: 314). Бывшие члены Вермахта также получили символическую протекцию со стороны официальной власти ФРГ. Так, выступая в Бундестаге 3 декабря 1952 г., канцлер ФРГ Конрад Аденауэр заявил:

Мы убеждены, что хорошая репутация и великие достижения немецкого солдата, несмотря на все поругания последних лет, по-прежнему

актуальны для нашего народа и останутся таковыми <...> Нашей задачей – и я уверен в том, что мы ее решим, – должен стать синтез нравственных ценностей немецкой солдатской традиции с демократией (Wrochem 2000: 154).

В послевоенные десятилетия о преступлениях Вермахта на территории СССР в общественных дискуссиях не упоминалось, а отношение немецких историков к задаче просвещения о преступлениях оставалось сдержанным (Müller 2012: 6). Избегая вопроса об ответственности и преступлениях, они тяготели к исследованиям таких тем, как движение Сопротивления в Вермахте, жестокое обращение советской армии с немецким гражданским населением в 1944–1945 гг. и т. д. (Förster 1989: 626).

Образ «чистого Вермахта» не подвергался в немецкой историографии пересмотру до конца 1970–1980-х гг. Однако и появление новых публикаций историков о преступной роли Вермахта привлекли в ФРГ на удивление слабый общественный интерес (Mommesen 1993: 120). Несмотря на заметный рост научной рефлексии, осознание участия немецкой армии в геноциде еврейского населения Европы по-прежнему оставалось уделом меньшинства (Messerschmidt 2006: 371).

Выставка «Преступления Вермахта» и ее рецепция общественными элитами

В 1995 г. впервые за послевоенную историю Германии данный консенсус был поколеблен передвижной выставкой «Война на уничтожение», организованной Гамбургским институтом социальных исследований. По замыслу авторов, выставка должна была максимально полно и объективно воспроизвести панораму истребительной войны Вермахта на Восточном фронте. На примере борьбы с партизанами в Сербии, оккупационного режима в Белоруссии и наступления 6-й армии Паулюса в 1942–1943 гг. выставка демонстрировала соучастие Вермахта в геноциде восточно-европейских евреев, грабеже и эксплуатации оккупированных территорий, массовых казнях гражданского населения и уничтожении советских военнопленных. Свыше 1400 фотографий казней и убийств, дневниковые записи и письма немецких солдат с признаниями и описаниями совершенных деяний документально подтверждали участие Вермахта в гитлеровской политике уничтожения. Фотографии сопровождалась текстами военных директив и приказов, требующих от солдат безжалостного обращения с представителями «низших рас». Кроме того, демонстрировались документальные свидетельства уничтожения немецкими государственными и военными структурами негодных режиму документов, а также их фальсификация в финальной фазе Второй мировой войны. Эта часть экспозиции должна была показать, что нацисты пытались замести следы своих преступлений и стереть память о жертвах. Таким образом, экспо-

зиция радикально опровергала один из ключевых исторических мифов послевоенной Германии.

Выступая с речью на открытии выставки в Гамбурге 5 марта 1995 г., директор Гамбургского института социальных исследований Ян Филипп Реемтсма заявил: «Цель этой выставки состоит в том, чтобы показать, насколько зыбка была грань между нормой и преступлением, и насколько широким было добровольное участие в массовых убийствах» (Reemtsma 1998: 10). При этом Реемтсма подчеркивал, что «выставка не утверждает, что каждый солдат Вермахта перешагнул черту, установленную Гаагской конвенцией о сухопутной войне» (Reemtsma 1998: 10). В свою очередь, координатор выставки Ханнес Хеер характеризовал суть экспозиции следующим образом:

Эти факты уже достаточно пугающие. Однако они становятся шоком, поскольку ответственность за них приписывается больше не эсэсовцам, а миллионам обычных немцев. <...> Это наши деды, отцы, дяди, братья, мужья. Поэтому история этой войны на уничтожение является частью истории каждой семьи (Heer 1998: 108).

Выставка вызвала огромный резонанс в Германии. С 1995 по 1999 г. она была показана в 34 городах, собрала около 900 тысяч посетителей, ей было посвящено более 10 тысяч статей и репортажей в немецких СМИ (Kracht 2005: 157). В федеральной и региональной немецкой прессе разгорелись горячие дебаты, выставка стала крупным политическим и медийным событием. Многие немецкие издания обозначили выставку как значительный вклад в годовщину 50-летия окончания Второй мировой войны (см., напр., Janssen 1995).

Зачастую мнения критиков и защитников поляризовались в соответствии с партийно-политической принадлежностью оппонентов. Начавшись в Бремене и Нюрнберге в 1996 г., полемика о выставке достигла своей кульминации в 1996–1997 гг. в Мюнхене. Еще до ее официального открытия член городского совета Манфред Бруннер выступил с речью, в которой охарактеризовал выставку как «антиисторическое пропагандистское шоу» (Klotz 1997: 178). Мэр Мюнхена Кристиан Уде попытался установить консенсус между представителями различных партий, предложив сопроводить открытие выставки официальным заявлением городского совета: «Выставка “Преступления Вермахта”, которая была показана во многих городах, освещает особо мрачную главу военной истории. Общественность Мюнхена также должна иметь возможность получить информацию и сформировать свое мнение» (Kulturreferat 1998: 67). Однако предложение не являлось с точки зрения противников выставки достаточно убедительным. Мэру стали поступать письма протеста от объединений ветеранов, праворадикальные группировки призывали к демонстрациям против выставки (Brauner-Orthen 2001: 145). Неонацистская национал-демократическая

партия Германии назначила на 1 марта 1997 г. марш протеста. В свою очередь, профсоюзы, представители движения «зеленых» и другие политические группировки – проведение антинацистских акций. Громкий скандал был связан с главой мюнхенской группы ХДС/ХСС Петером Гаувайлером, который жестко критиковал мэра Мюнхена и главного организатора выставки Реемтсма (Prantl 1997: 246).

25 февраля 1997 г. в присутствии более чем 1000 посетителей и 200 журналистов в *Auditorium Maximum* Мюнхенского университета мэр официально открыл выставку. Ссылаясь на актуальные исторические исследования, он отметил, что Вермахт вел агрессивную, преступную по своему характеру войну. Далее призвал всех собравшихся и всех немцев признать «неудобные» исторические факты и осмыслить совершенные Германией преступления: «чтобы не быть несправедливыми по отношению к жертвам, а также к тем, кто не несет на себе никакой вины, мы должны заботиться о том, чтобы совершенные в прошлом преступления были названы своими именами» (Kulturreferat 1998: 31). Выступавший вслед Реемтсма подчеркнул, что военные преступления Вермахта на Востоке были не «нарушением границ дозволенного, а самим лицом этой войны» (Kulturreferat 1998: 35).

В знак протеста против открытия выставки члены ХДС/ХСС провели символическую акцию: при значительном освещении СМИ Петер Гаувайлер возложил венок на могилу неизвестного солдата, выразив тем самым несогласие с якобы беспочвенными обвинениями в адрес бойцов Вермахта. Другой акцией противников выставки стала демонстрация, организованная Национал-демократической партией Германии 1 марта 1997 г. и собравшая около 5 тысяч неонацистов. По оценкам исследователей, демонстрация стала самым большим митингом правозащитников в Мюнхене с 1930-х гг. (Greiner 1999: 46). Интересно отметить, что акция Гаувайлера и митинг НДПГ не только не помешали выставке, но стимулировали интерес публики: в течение трех недель более 88 тысяч человек посетили мюнхенскую экспозицию (Kracht 2005: 157).

13 марта и 24 апреля 1997 г. выставка стала темой обсуждения в Бундестаге. Мнения парламентариев также разделились: представители Социал-демократической партии и «зеленых» поддержали авторов и организаторов выставки, тогда как один из лидеров ХДС/ХСС Альфред Дреггер подверг выставку жесткой критике, охарактеризовав ее организаторов как «подстрекателей» и «клеветников» (Thiele 1997: 170). Противоречиво выставка была встречена и профессиональными немецкими историками. Критическую позицию в отношении выставки заняли профессор Фрайбургского университета Ульрих Херберт и директор Исследовательского центра военной истории в Потсдаме Рольф-Дитер Мюллер. Положительную оценку выставка получила от историка, профессора Боннского университета Ганса-Адольфа Якобсена. Историк, профессор Технического университета Берлина Вольфганг Бенц, встав на защиту выставки, подчеркивал, что претензии и требования некоторых ученых к ней являются завышенными (Thiele 1997: 101). Многие

крупные историки и эксперты подчеркивали соответствие содержания выставки новейшим данным историографии Вермахта (Klotz 2001: 157).

Рецепция выставки ветеранами Вермахта

Важнейшими источниками, отражающими впечатления и реакции ветеранов, служат записи в гостевых книгах городских музеев, в которых экспонировалась выставка, а также интервью, проведенные в Берлине, Штутгарте и Потсдаме под руководством социолога Габриэлы Розенталь. Ветераны зачастую позиционировали себя как простых солдат, отправленных на войну против своей воли. Характерной для многих из опрошенных была «перспектива жертвы», часто звучали виктимизирующие формулировки: «В юности я был вынужден служить как солдат в немецком Вермахте», «я был шесть лет солдатом против своей воли, то же самое относилось и к большинству служащих Вермахта» (Heer 1999: 189). Другим распространенным среди ветеранов нарративом было утверждение, что военные преступления были совершены лишь «крошечной» частью солдат Вермахта, тогда как основная ответственность лежала на СС (Balkenohl 2000: 31). Если ветераны не отрицали преступную сущность войны Вермахта на Восточном фронте, то не усматривали в ней ничего исключительного и уникального: «война как таковая была преступлением, бесспорно, однако то же самое можно сказать обо всех агрессивных войнах, начиная с Александра Македонского» (Manoschek 1997: 84).

Подобных позиций придерживались далеко не все. Многие из бывших солдат подтверждали факты преступлений и положительно оценивали выставку. Так, один из ветеранов писал: «Я благодарен за эту потрясающую выставку. Я участвовал во многом, многое видел и пережил. Все показанное соответствует истине» (Heer 1999: 199). Один из ветеранов резюмировал:

Я был простым солдатом Вермахта с 1941 г. до конца войны в России, Италии, Франции и Германии, и совершенно не чувствую свою честь ущемленной, если сейчас, наконец, предпринимается попытка <...> проанализировать роль Вермахта в войне <...>. Утверждение, что преступления совершались СС, тогда как Вермахт всегда оставался благородным и чистым, к сожалению, не соответствует действительности (Gerwin 1997).

Медиумом мнения ветеранов, посетивших выставку, также стали письма в федеральные и региональные немецкие газеты. Один из посетителей выставки, Ганс-Фридрих Шефер, писал в письме *Rhein-Main-Zeitung*:

Как свидетель этого чудовищного военного времени я ни в коей мере не хочу подвергать сомнению показанные на выставке фотодокументы <...> Геноцид евреев и цыган остается самым ужасным преступлением этого столетия, и оно было совершено немцами (Klotz 2000: 310).

Известный мюнхенский актер Рольф Бойзен писал в письме *Abendzeitung*: «Я прошел всю войну от первого до последнего дня. Я лично видел

преступления Вермахта против гражданского населения, и это всегда были боевые, а не тыловые части» (Klotz 2000: 312).

Таким образом, определенная часть ветеранов отнюдь не считала себя «жертвами» войны Гитлера, а была готова признать личную вину и ответственность за участие в ней. Приведенные высказывания свидетельствуют, что о негласном немецком консенсусе о «чистом Вермахте» больше не могло идти речи. Куратор выставки Хеер отмечал, что солдаты, хранившие память о преступлениях Вермахта и желавшие о них рассказать, находились после войны в изолированном положении в силу целого ряда социально-психологических факторов. Бывшие солдаты были связаны узами лояльности по отношению к армии, к своим бывшим товарищам, взявшимся за восстановление Германии, и в результате вынуждены были последовать общенемецкой стратегии замалчивания и забвения прошлого (Heer 1999: 291). В свете данных обстоятельств выставка, по сути, дала бывшим солдатам возможность впервые за все послевоенное время артикулировать свои воспоминания о произошедшем (Manoschek 1997: 87). По словам Реемтсма, спустя 50 лет потребность в коммуникативной проработке возобладала над «коммуникативным замалчиванием» (Reemtsma 2000: 281).

Следует также добавить, что готовности бывших солдат рассказать и признать правду о прошлом в значительной мере способствовали смена поколений в ФРГ и сопровождавший ее рост критической рефлексии прошлого со второй половины 1960-х гг. Для многих представителей младшего поколения выставка была связана с вопросом, принимали ли их отцы участие в истребительной войне на Восточном фронте. Этот вопрос порождал глубокую неуверенность, и раскрытие пугающих фактов стало для многих шоком. Против поколения отцов стали звучать упреки, которые были задокументированы в гостевых книгах экспозиции. К примеру, один из посетителей писал: «Мой отец лгал мне, говоря, что фотографии выставки являются фотомонтажом и пропагандой русских» (Quindeau 2000: 295). Похожими по содержанию были результаты опроса во Франкфурте-на-Майне: большинство посетителей выставки из поколения детей и внуков выразили скорбь, растерянность и стыд (Heer 2004: 235). Обобщая проанализированные публикации, можно утверждать, что на поколение детей и внуков немецких ветеранов экспозиция оказала эффект глубокого потрясения и усилила и без того характерное для данной возрастной когорты критическое восприятие истории Второй мировой.

Корректировка фактических ошибок и вторая версия выставки

В ноябре 1999 г. польскому историку Богдану Музиалу удалось доказать, что на некоторых экспонированных фотографиях были запечатлены не преступления Вермахта, а карательные акции НКВД (Musial 1999: 563).

Тогда выставка была временно закрыта. В 2000 г. специальная комиссия из профессиональных историков обнародовала отчет, в котором отмечалось, что из 1433 фотографий выставки лишь около 20 относились не к преступлениям Вермахта, а к карательным акциям НКВД, а также финских и венгерских частей, воевавших на стороне нацистской Германии (Bartov et al. 2000: 85).

Спустя два года после вынужденной приостановки, выставка открылась в обновленном, переработанном варианте под названием «Преступления Вермахта: Масштабы войны на уничтожение 1941–1944». Если первая экспозиция ограничивалась всего тремя тематическими блоками, вторая версия была расширена до шести обширных тем: Холокост, массовая гибель советских военнопленных, организация голода на оккупированных территориях, принудительный труд в Германии, война против партизан, а также репрессалии и расстрелы заложников (Verbrechen... 2002: 9). В концепции выставки также произошли изменения: акцент сместился с фотодокументов на письменные источники. Учитывая обоснованную критику Музиала и других историков, авторы выставки отказались от использования фотографий без информации об изображенных на них людях, местах и времени создания снимка. Фокус выставки сместился с конкретных преступников на места, хронологию, обстоятельства и детали событий. В отличие от первой выставки, вторая полностью отказалась от какой-либо драматизации, а также от «всеобщего осуждения» ветеранов Вермахта, и сконцентрировалась на объективной аргументации с помощью письменных источников (Thamer 2003: 182).

До конца марта 2004 г. выставка была показана в одиннадцати городах Германии, а также в Люксембурге и Вене, затем стала постоянной экспозицией в Немецком историческом музее в Берлине. Примечательно, что ряд критиков ранней версии изменили свое мнение на диаметрально противоположное. К примеру, лидер мюнхенской ХДС/ХСС Петер Гаувайлер, один из самых ожесточенных противников экспозиции, писал, что «каждый немец должен ознакомиться с выставкой. Нельзя <...> отводить глаза от того, что совершил Вермахт» (Jung 2003: 20). Канцлер Германии Герхард Шредер, который изначально отнесся к выставке критически, отправил министра культуры ФРГ Юлиана Ниду-Рюмелина на ее открытие в Берлине. В свою очередь, министр обороны ФРГ Рудольф Шарпинг, заранее запрещающий ветеранам Вермахта вступать с организаторами выставки в какое-либо официальное сотрудничество, позволил немецким военнослужащим посещать выставку в униформе (Heeg 2008: 234). Директор Института новейшей истории Хорст Мёллер, ранее настроенный к выставке крайне негативно, подчеркивал, что новая выставка «приняла во внимание критику в свой адрес» и стала «академически серьезной» (Heeg 2008: 248), а директор Исследовательского центра военной истории в Потсдаме Рольф-Дитер Мюллер обратился к правительству Германии с просьбой сделать новую версию постоянной экспозицией (Heeg 2008: 248).

Правомерно задать вопрос, чем объясняется позитивная рецепция второй версии выставки в немецком обществе? Была ли причиной тому лишь форма презентации материала, или же речь может идти о глубоком влиянии первой экспозиции на немецкую культуру памяти, облегчившем восприятие второй экспозиции? Представляется, что эффект выставки в значительной степени был обусловлен самой визуализацией тезиса о каузальной взаимосвязи между Вермахтом и Холокостом, и сопутствовавшей выставке политической поляризацией. В то же время данные аспекты нельзя считать определяющими и объяснять с их помощью масштаб общественного внимания.

Для ответа на поставленные вопросы следует еще раз вспомнить об историческом периоде появления выставки и об условиях ее общественной рецепции в 1990-е гг. Она стала частью исторических дискуссий, поставивших под сомнение традиционную картину новейшей немецкой истории и сфокусировавших внимание немцев на сопряженности Холокоста и военной экономики Германии, которые ранее, во-первых, воспринимались как некогерентные категории и, во-вторых, были предметом дискуссий профессионального научного сообщества (Thamer 2003: 178). Исторический период 1990-х гг. хронологически совпал со сменой поколений в немецком обществе, которая сопровождалась переходом от «коммуникативной памяти» к «культурной памяти» (Thamer 2003: 178). С этим переходом был связан вопрос о том, как новые поколения будут относиться к немецкому прошлому, будет ли для них актуальным чувство ответственности за трагические события прошлого. Эти факторы в значительной степени и предопределили высокую степень эмоциональности, которую вызвала выставка.

Можно утверждать, что центральный тезис выставки, породив жесткие споры в период показа ее первой версии, утвердился в немецком обществе. Дискуссия, которая велась в СМИ, превзошла по своему эффекту возможности конвенциональной исторической науки в ее просветительской функции, и в то же время оказала эффект на нее саму, расширив перспективы исследовательской работы. Выставка дала импульс для многих значительных исследований, выпущенных Институтом современной истории в Мюнхене, считающимся одним из главных научных центров Германии по изучению нацистского прошлого (Hartmann 2009; Hürter 2006; Römer 2008).

Как было показано, интенсивная общественная дискуссия о выставке охватила все немецкое общество; она оказалась в фокусе внимания политических элит, мнения которых поляризовались. Если консервативно настроенные представители ХДС усмотрели в выставке «оскорбление» чести бывших солдат, то члены левых партий и движений были склонны видеть в экспозиции шанс на историческое просвещение и критическую проработку мифологизированного немецкого прошлого. При рассмотрении роли чиновников и политиков примечательно, что именно чиновничество осуществило политико-институциональную интеграцию выставки в историко-

политический «диспозитив» Германии, и тем самым способствовало ее превращению в неотъемлемый элемент немецкой политической культуры и политики памяти. В этом смысле выставке удалось добиться значительных успехов в установлении консенсуса, «наведении мостов» между гражданским обществом и властью (Uhl 2008: 251).

Благодаря выставке «Преступления Вермахта» широкая общественность Германии изменила привычное представление о немецкой армии и ее роли во Второй мировой войне, отказавшись, хотя и крайне болезненно, от мифа о «чистом Вермахте». Таким образом, признание фактов соучастия Вермахта в преступлениях нацизма если и не приобрело характер общественного консенсуса, то, по меньшей мере, задало новые нормативно-этические конвенции в немецком общественном дискурсе.

Список источников

Кёниг Х. *Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ*. М.: РОССПЭН, 2012.

Balkenohl S. *Die Kontroverse um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Münster. Eine qualitative Auswertung der Reaktionen*. Münster: Lit Verlag, 2000.

Bartov O., Brink C., Hirschfeld G., Kahlenberg F.P., Messerschmidt M., Rürup R., Streit C., Thamer H. – U. Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944", 2000 // <https://clck.ru/9WwGP> (дата обращения: 01.10.2014).

Bergem W. *Identitätsformationen in Deutschland*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.

Brauner-Orthen A. *Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen*. Opladen: Leske und Budrich, 2001.

Gerwin R. Nicht in der Ehre verletzt // *Süddeutsche Zeitung*, Nr. 47, 26.02.1997: 13.

Greiner B. Bruch-Stücke. Sechs westdeutsche Beobachtungen nebst unfertigen Deutungen // *Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*. Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 1999: 15–86.

Hartmann C. *Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42*. München: Oldenbourg, 2009.

Heer H. Eröffnung der Ausstellung in Karlsruhe // *Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*. Hamburg: Institut für Sozialforschung Hamburger, 1998: 106–116.

Heer H. *Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront*. Hamburg: Hamburger Edition, 1999.

Heer H. *Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei*. Berlin: Aufbau Verlag, 2004.

Heer H. The Head of Medusa: The Controversy Surrounding the Exhibition "War of Annihilation: Crimes of the Wehrmacht, 1941 to 1944" // H. Heer, W. Manoschek, A. Pollak, R. Wodak (eds.) *The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008: 227–250.

Hürter J. *Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42*. München: Oldenbourg, 2006.

Janssen K. H. Als Soldaten Mörder wurden // *Die Zeit*, Nr. 12, 17.03.1995: 63–64.

Jeismann M. *Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2001.

Jung C. *Wer zieht den Schlussstrich? Eine empirische Analyse der Besucherbefragung in der Ausstellung "Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944"*. München: Grin Verlag, 2003.

Klotz J. "Anständige Leute". Zur Auseinandersetzung um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944" // J. Klotz, U. Schneider (eds.) *Die selbstbewusste Nation und ihr Geschichtsbild. Geschichtslagen der Neuen Rechten – Faschismus/Holocaust/Wehrmacht*. Köln: PapyRossa-Verlag, 1997: 174–204.

Klotz J. Die Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg" in Leserbriefen // M. T. Greven, O. von Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000: 307–323.

Klotz J. Die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". Zwischen Geschichtswissenschaft und Geschichtspolitik // D. Bald, J. Klotz, W. Wette (eds.) *Mythos Wehrmacht. Nachkriegsdebatten und Traditionspflege*. Berlin: Aufbau Taschenbuch: 2001: 116–176.

Kracht K. G. *Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.

Kulturreferat der Landeshauptstadt München. Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997. München: Droemer Knauer, 1998.

Manoschek W. "Ich habe es immer geahnt...". Erinnerungspolitische Reflexionen über das Bild der Wehrmacht und die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Österreich // B. Kepplinger, R. Kannonier (eds.) *Irritationen. Die Wehrmachtausstellung in Linz*. Grünbach: Steinmassl, 1997: 73–91.

Messerschmidt M. Aus der Geschichte lernen. Vom Umgang mit der Erblast des Nationalsozialismus in der Bundeswehr und in der NVA // H. Ehlert, A. Lang, B. Wegner (eds.) *Militarismus, Vernichtungskrieg, Geschichtspolitik: Zur deutschen Militär- und Rechtsgeschichte*. Paderborn: Schöningh, 2006: 365–382.

Mommsen H. The New Historical Consciousness // E. Piper (ed.) *Forever In The Shadow of Hitler?* New Jersey: Humanities Press, 1993: 114–124.

Müller R. – D. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung // R. – D. Müller, H. – E. Volkmann (eds.) *Die Wehrmacht – Mythos und Realität*. München: Oldenbourg Verlag, 2012: 3–38.

Musial B. Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" // *Vierteljahreshfte für Zeitgeschichte*. 1999. 47(4): 563–591.

Prantl H. (ed.) *Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse*. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997.

Quindeau I. Erinnerung und Abwehr. Widersprüchliche Befunde zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg" // M. T. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000: 291–306.

Reemtsma J.P. Was man plant, und was daraus wird. Gedanken über ein prognostisches Versagen // M. T. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000: 273–290.

Reemtsma J.P. Eröffnungsrede zur Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Hamburg // *Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*. Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 1998: 8–13.

Römer F. *Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42*. Paderborn: Schöningh, 2008.

Thamer H. – U. Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die "Wehrmachtsausstellung" // M. Sabrow, R. Jessen, K. Grosse Kracht (eds.) *Zeitgeschichte als Streitgeschichte: Grosse Kontroversen seit 1945*. München: Beck, 2003: 171–187.

Thiele H. – G. (ed.) *Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Dokumentation der Fachtagung in Bremen am 26. Februar 1997 und der Bundestagsdebatte am 13. März und 24. April 1997*. Bonn: Bundezentrale für politische Bildung, 1997.

Uhl H. Interpreting the "War of Annihilation": Responses to the exhibition "Crimes of the Wehrmacht: Dimensions of a War of Annihilation, 1941 to 1944" when Staged in Vienna in 2002 // H. Heer, W. Manoschek, A. Pollak, R. Wodak (eds.) *The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008: 251–266.

Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung, 2002.

Wrochem O. v. Keine Helden mehr. Die Wehrmachtselite in der öffentlichen Auseinandersetzung // M. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*. Opladen: Leske und Budrich Verlag, 2000: 151–165.

Wrochem O. v. *Erich von Manstein. Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik*. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag 2006.

Evgeny Kauganov

THE "CRIMES OF THE WEHRMACHT" EXHIBITION (1995–1999) AND ITS CONTRIBUTION TO THE GERMAN CULTURE OF MEMORY ABOUT THE NAZI PAST

The subject of this article is the discussion about one of the most resonant historical expositions in post-war Germany's history, the exhibit "A War of Extermination. The Crimes of the Wehrmacht from 1941 to 1944". The author interprets the historical background and historiographical context of the exhibition. The main issue under consideration is the historical myth of a "clean" Wehrmacht, an idea that gained widespread consensus in West Germany during decades before German reunification in 1990. The conception of the exhibition is described, the chronology of the debate is reconstructed and the positions of its main participants are considered. The author considers the reception of the exhibition by German mass media and by political and academic elites of the FRG. The reactions and opinions of wider social strata about the exhibition are analyzed; including that of the Second World War veterans and the representatives of Wehrmacht soldiers' children and grandchildren. In conclusion, the author examines the influence of the exhibition and its related debate on the culture of memory about the totalitarian Nazi past in Germany. Considering the major public response and nationwide scope, the exhibition "A War of Extermination. The Crimes of the Wehrmacht from 1941 to 1944" can be considered to be one of the most successful European projects of historical-political enlightenment and "working-through" of a country's totalitarian past.

Key words: Wehrmacht, the Second World War, Operation Barbarossa, Nazism, totalitarianism, FRG, culture of memory, working through the past

References

- Balkenohl S. (2000) *Die Kontroverse um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Münster. Eine qualitative Auswertung der Reaktionen*, Münster: Lit Verlag.
- Bartov O., Brink C., Hirschfeld G., Kahlenberg F.P., Messerschmidt M., Rürup R., Streit C., Thamer H.–U. (2000) Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". Available at: <https://clck.ru/9WwGP> (accessed 1 October 2014).
- Bergem W. (2005) *Identitätsformationen in Deutschland*, Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.

Evgeny Kauganov – PhD-student, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow, Russian Federation. Email: ekauganov@front.ru

- Brauner-Orthen A. (2001) *Die Neue Rechte in Deutschland. Antidemokratische und rassistische Tendenzen*, Opladen: Leske und Budrich.
- Gerwin R. (1997) Nicht in der Ehre verletzt. *Süddeutsche Zeitung*, Nr. 47, 26.02.1997: 13.
- Greiner B. (1999) Sechs westdeutsche Beobachtungen nebst unfertigen Deutungen. *Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*, Hamburg: Hamburger Edition: 15–86.
- Hartmann C. (2009) *Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42*, München: Oldenbourg, 2009.
- Heer H. (1998) Eröffnung der Ausstellung in Karlsruhe. *Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*, Hamburg: Hamburger Edition: 106–116.
- Heer H. (1999) *Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront*, Hamburg: Hamburger Edition.
- Heer H. (2004) *Vom Verschwinden der Täter. Der Vernichtungskrieg fand statt, aber keiner war dabei*, Berlin: Aufbau Verlag.
- Heer H. (2008) The Head of Medusa: The Controversy Surrounding the Exhibition "War of Annihilation: Crimes of the Wehrmacht, 1941 to 1944". H. Heer, W. Manoschek, A. Pollak, R. Wodak (eds.). *The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation*, Basingstoke: Palgrave Macmillan: 227–250.
- Hürter J. (2006) *Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42*, München: Oldenbourg.
- Janssen K. H. (1995) Als Soldaten Mörder wurden. *Die Zeit*, Nr. 12, 17.03.1995: 63–64.
- Jeismann M. (2001) *Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen*, München: Deutsche Verlags-Anstalt.
- Jung C. (2003) *Wer zieht den Schlussstrich? Eine empirische Analyse der Besucherbefragung in der Ausstellung "Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944"*, München: Grin Verlag.
- Klotz J. (1997) "Anständige Leute". Zur Auseinandersetzung um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944". J. Klotz, U. Schneider (eds.) *Die selbstbewusste Nation und ihr Geschichtsbild. Geschichtslegenden der Neuen Rechten – Faschismus/Holocaust/Wehrmacht*, Köln: PapyRossa-Verlag: 174–204.
- Klotz J. (2000) Die Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg" in Leserbriefen. M. T. Greven, O. von Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*, Opladen: Leske und Budrich Verlag: 307–323.
- Klotz J. (2001) Die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". Zwischen Geschichtswissenschaft und Geschichtspolitik. D. Bald, J. Klotz, W. Wette (eds.) *Mythos Wehrmacht. Nachkriegsdebatten und Traditionspflege*, Berlin: Aufbau Taschenbuch: 116–176.
- Koenig H. (2012) *Buduscheye proshlogo: Natsional-sotsializm v politicheskom soznanii FRG* [The Future of the Past: National-Socialism in the Political Consciousness of the FRG], Moscow: Rossen.

Kracht K. G. (2005) *Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Kulturreferat der Landeshauptstadt München (1998) *Bilanz einer Ausstellung. Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in München, Galerie im Rathaus 25.2. bis 6.4.1997*, München: Droemer Knaur.

Manoschek W. (1997) "Ich habe es immer geahnt...". Erinnerungspolitische Reflexionen über das Bild der Wehrmacht und die Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Österreich. B. Kepplinger, R. Kannonier (eds.) *Irritationen. Die Wehrmachtsausstellung in Linz*, Grünbach: Steinmassl: 73–91.

Messerschmidt M. (2006) Aus der Geschichte lernen. Vom Umgang mit der Erblast des Nationalsozialismus in der Bundeswehr und in der NVA. H. Ehlert, A. Lang, B. Wegner (eds.) *Militarismus, Vernichtungskrieg, Geschichtspolitik: Zur deutschen Militär- und Rechtsgeschichte*, Paderborn: Schöningh: 365–382.

Mommsen H. (1993) *The New Historical Consciousness*. Piper Ernst (ed.) *Forever in the Shadow of Hitler?* New Jersey: Humanities Press: 114–124.

Müller R. – D. (2012) Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung. R. – D. Müller, H. – E. Volkmann (eds.) *Die Wehrmacht – Mythos und Realität*, München: Oldenbourg Verlag: 3–38.

Musial B. (1999) Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944". *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 47 (4): 563–591.

Prantl H. (ed.) (1997) *Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse*, Hamburg: Hoffmann und Campe.

Quindeau I. (2000) Erinnerung und Abwehr. Widersprüchliche Befunde zur Rezeption der Ausstellung "Vernichtungskrieg". M. T. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*, Opladen: Leske und Budrich: 291–306.

Reemtsma J. P. (2000) Was man plant, und was daraus wird. Gedanken über ein prognostisches Versagen. M. T. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*, Opladen: Leske und Budrich Verlag: 273–290.

Reemtsma J. P. (1998) Eröffnungsrede zur Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944" in Hamburg. *Krieg ist ein Gesellschaftszustand. Reden zur Eröffnung der Ausstellung "Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944"*, Hamburg: Hamburger Edition, 1998: 8–13.

Römer F. (2008). *Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42*, Paderborn: Schöningh.

Thamer H. – U. (2003) Vom Tabubruch zur Historisierung? Die Auseinandersetzung um die "Wehrmachtsausstellung". M. Sabrow, R. Jessen, K. Grosse Kracht (eds.) *Zeitgeschichte als Streitgeschichte: Grosse Kontroversen seit 1945*, München: C. H. Beck: 171–187.

Thiele H. – G. (ed.) (1997) *Die Wehrmachtsausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Dokumentation der Fachtagung in Bremen am 26. Februar 1997 und der Bundestagsdebatte am 13. März und 24. April 1997*, Bonn: Bundezentrale für politische Bildung.

Uhl H. (2008) Interpreting the "War of Annihilation": Responses to the exhibition "Crimes of the Wehrmacht: Dimensions of a War of Annihilation, 1941 to 1944" when Staged in Vienna in 2002. H. Heer, W. Manoschek, A. Pollak, R. Wodak (eds.) *The Discursive Construction of History. Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation*, Basingstoke: Palgrave Macmillan: 251–266.

Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog (2002) Hamburg: Hamburger Institut für Sozialforschung.

Wrochem O. v. (2000) Keine Helden mehr. Die Wehrmachtselite in der öffentlichen Auseinandersetzung. M. Greven, O. v. Wrochem (eds.) *Der Krieg in der Nachkriegszeit. Der Zweite Weltkrieg in Politik und Gesellschaft der Bundesrepublik*, Opladen: Leske und Budrich Verlag: 151–165.

Wrochem O. v. (2006) *Erich von Manstein. Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik*, Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag.